КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-96-137

УДК: 316.286

Коммуникационные режимы в странах Центральной Азии: научная дискуссия

Бегалинова К.К.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(Алматы, Казахстан)

Грибин Н.П.

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия)

Комлева В.В.

Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия)

Котюкова Т.В.

Институт всеобщей истории Российской академии наук
(Москва, Россия)

Назаров Р.Р.

Ташкентский филиал Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова (Ташкент, Узбекистан)

Оспанова А.Н.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
(Нур-Султан, Казахстан)

Панов В.С.

Представительство МИА «Россия сегодня» в Республике Казахстан (Нур-Султан, Казахстан)

Смолик Н.Г.

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Тургунбаева А.С.

Дипломатическая академия МИД Киргизской Республики (Бишкек, Кыргызстан)

Череменина Е.Г.

Информационного агентства и радио Sputnik Кыргызстан (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: Статья содержит основные идеи, высказанные российскими и зарубежными участниками международной научной дискуссии на тему: «Коммуникационные режимы стран Центральной Азии». Дискуссию провел Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК). Исследования коммуникационных режимов, проведенные НИИРК на основе авторской методики, выявили: (1) асимметричность акторных моделей коммуникационных режимов стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан); (2) выраженный этатизм и политику государственного регулирования и контроля процессов и структур общественной коммуникации; (3) особенности социальной инженерии коммуникационных режимов, основанной на секьюритизации вопросов этнокультурной и национальной идентичности; (4) попытки обновления коммуникационных режимов, пока не имеющих серьезных успехов. В ходе дискуссий ученые из стран Центральной Азии предложили исследования и отметили: роль культурного и религиозного фактора в формировании коммуникационных режимов; влияние финансовой основы массмедиа на их структуру и медийный дискурс; частые заимствования контента из зарубежных информационных каналов. Российские эксперты отметили: искусственно акцентированную проблематику «исторической травмы» в информационном пространстве стран Центральной Азии; изменения форматов коммуникации в условиях COVID-19; важность изучения коммуникационных режимов в контексте обеспечения коллективной информационной безопасности, необходимость выработки общих для России и стран Центральной Азии терминов и понятий при формировании законодательства в отношении коммуникации и информации.

Ключевые слова: коммуникационный режим, Центральная Азия, информационная безопасность, информационная политика, медийное пространство, массмедиа, политическая коммуникация, историческая травма, религиозный фактор

Об авторах:

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна. Доктор философских наук. Профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени аль-Фараби. ORCID: 0000-0001-5575-5142. Адрес: 050040, Казахстан, г. Алматы, проспект Аль-Фараби, 71, kalima910@mail.ru.

ГРИБИН Николай Петрович. Доктор юридических наук. Профессор. Ведущий научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России. Адрес: 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76, n.gordin40@gmail.com.

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций; Заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Адрес: 119571, Российская Федерация, г. Москва, Коробейников переулок, 22/1, komleva@nicrus.ru.

КОТЮКОВА Татьяна Викторовна. Кандидат исторических наук. Заведующая сектором Истории Центральной Азии 19–20 вв. Института всеобщей истории РАН; Старший научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН; Руководитель Центра изучения Центральной Азии Московского исламского института. ORCID: 0000-0001-5741-7905. Адрес: 119334, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский проспект, 32а, kotyukovat@mail.ru.

НАЗАРОВ Равшан Ринатович. Кандидат философских наук. Доцент кафедры иностранных языков и гуманитарных дисциплин Ташкентского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; Почетный профессор Шэньсийского педагогического университета (Сиань, Шэньси, Китай); Эксперт Международного института Центральной Азии. ORCID: 0000-0003-3773-9442. Адрес: 100164, Узбекистан, г. Ташкент, ул. Шахрибод, 3, Shon2002@yandex.ru.

ОСПАНОВА Айгерим Нуралиевна. Доктор (PhD). Ассоциированный профессор. Заведующая кафедрой регионоведения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. ORCID: 0000-0003-0985-1883. Адрес: 010000, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, улица Каныша Сатпаева, 2, ospanova@mail.ru.

ПАНОВ Виктор Сергеевич. Руководитель представительства МИА «Россия сегодня» в Республике Казахстан. Адрес: 119021, Российская Федерация, г. Москва, Zubovskiy bulvar, d. 4, office@ria.ru.

СМОЛИК Надежда Григорьевна. Старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. ORCID: 0000-0001-9166-2138. Адрес: 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10а, smolik-ng@rudn.ru.

ТУРГУНБАЕВА Айгерим Стамбековна. Преподаватель кафедры международных отношений и права Дипломатической академии МИД Киргизской Республики. ORCID: 0000-0001-5734-7505. Адрес: Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Армейская, 10, turgunbaeva.aigi@gmail.com.

ЧЕРЕМЕНИНА Елена Геннадиевна. Руководитель Информационного агентства и радио Sputnik Кыргызстан. Адрес: 119021, Российская Федерация, г. Москва, Zubovskiy bulvar, d. 4, media@sputniknews.com.

Результаты исследования

О методах и результатах научного исследования коммуникационных режимов в странах Центральной Азии (Комлева В.В.)

Деятельность Национального исследовательского института развития коммуникаций (НИИРК) направлена на развитие диалога, доверия и поиск механизмов формирования добрососедских отношений и дружелюбности коммуникационных режимов стран. В 2020–2021 годах было проведено исследование коммуникационных режимов в странах постсоветского пространства, в том числе и в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане. Результаты исследования мы выносим на публичное обсуждение научным и экспертным сообществом с целью их верификации и создания транснациональной научной площадки исследователей. Нам важно услышать мнение о результатах нашего исследования, узнать об исследованиях наших зарубежных и российских коллег по смежным темам, разработать общие методологические подходы к исследованиям и усилить наш анализ вашими материалами и публикациями.

Что такое коммуникационные режимы?

Основные методологические позиции, научные интерпретации коммуникационного режима, анализ его сущности и системной роли изложены нами в ряде публикаций (Комлева 2021). Основные выводы по результатам исследования в странах Центральной Азии и некоторые предложения по дальнейшим исследованиям представлены в научном докладе, размещенном в открытом доступе на сайте НИИРК¹.

Коммуникационный режим (лат. *regimen* – «управление», «командование», «руководство») определяется нами как «управляемая (с разной степенью управляемости) совокупность взаимосвязанных условий, принципов, норм, правил (и санкций за их невыполнение), принятых для достижения целей упорядочивания и регулирования коммуникаций и информации в общественной системе» (Комлева, 2021, с. 14). Социальная сущность коммуникационного режима выражается в упорядочивании коммуникации и информации,

1 Коммуникационные режимы стран Центральной Азии: научный доклад Национального исследовательского института развития коммуникаций. М., 2021. URL: <https://nicrus.ru/analytics>.

создании социального порядка и недопущения хаоса, а политическая сущность заключается в обеспечении воспроизводства действующей власти. В совокупности упорядочивание и воспроизводство позволяют системе самосохраняться. Как общественно-политические явления коммуникационные режимы тесно связаны с политическими режимами и принятыми законами. Как социокультурные – с религиями, культурными кодами, менталитетом, ценностями общества. Как социальные явления режимы рассматриваются нами с точки зрения теории сложных систем, и мы изучаем их роль в устойчивом развитии страны, в упорядочивании отношений, в обеспечении стабильности.

Нас интересовал ответ на вопрос: кто и как формирует коммуникационные режимы, как он конструируется в разных странах? В ходе исследований мы пришли к выводу, что коммуникационные режимы конструируются с помощью: (1) институционализации представлений субъектов власти об идеальной модели организации информационно-коммуникационных процессов в обществе; (2) консоциации значимых социальных и политических акторов относительно исторически сложившихся норм и традиций коммуникации; (3) учета интересов больших и значимых социальных групп; (4) адаптации действующего режима к новым коммуникативным практикам.

Правила, лежащие в основе коммуникационных режимов, могут сознательно формироваться институтами власти и закрепляться в нормативных правовых документах, а могут быть результатом естественного отбора лучших практик коммуникации, возникших в ходе эволюции конкретного сообщества. В этом случае правила коммуникационного режима закрепляются в виде ценностей, традиций, обычаев, стереотипов. Кроме того, практики коммуникации формируются под влиянием внешней среды, особенно в открытых коммуникационных системах. Страновые информационные пространства включены в более широкие информационные пространства (межстрановые, региональные, мировое). Встречаются случаи, когда центры принятия решений относительно правил коммуникации находятся не внутри страны, а за ее пределами (это приводит к формированию зависимых коммуникационных режимов). В ряде стран большую роль в формировании неформальных норм и правил коммуникации играют религиозные институты. В частности, это касается и стран Центральной Азии.

Обобщая вышесказанное, мы используем понятие «страновой коммуникационный режим» (а не «государственный»), подчеркивая роль социокультурных факторов, гражданских институтов и каналов коммуникации.

Роль коммуникационных режимов заключается в том, что они (1) позволяют упорядочить социальные взаимодействия и установить обратные связи; (2) обеспечивают социальное и политическое воспроизводство и стабильность; (3) с помощью гибкого изменения правил и норм коммуникационных режимов общественные системы приспосабливаются к изменяющейся реальности; (4) используются для обеспечения безопасности (в первую очередь информационной) и сохранения суверенитета.

При разработке методики исследования мы исходили из того, что имманентными свойствами коммуникационных режимов являются информация и коммуникация. Поэтому исследование было направлено на анализ и систематизацию информации о правилах, нормах, содержании, структуре коммуникаций и информации. Методика исследования коммуникационных режимов визуализирована в Таблице 1.

Таблица 1

Методика исследования страновых коммуникационных режимов
Research methods of the countries communication regimes

Эмпирическая база	Методы исследования	Решаемые задачи
Нормативные правовые документы (законы и решения, принятые государственной властью)	Анализ документов Анализ институтов, обеспечивающих выполнение этих норм и правил	Выявить правила коммуникации и санкции за их нарушение
Практики исполнения законов и решений	Анализ кейсов методом сопоставления действий и формализованных в документах норм и правил	Выявить отклонения от формализованных норм и правил
Социокультурные неформальные практики	Ивент-анализ Интервью экспертов	Выявить традиции, обычаи, стереотипы, регулирующие коммуникации
Выступления руководителей государств	Дискурс-анализ	Выявить ценности, идеологию, нарративы коммуникационных режимов. Понять аргументы решений и действий центров управления

Исследование в странах Центральной Азии было направлено на проверку ряда рабочих гипотез, касающихся институционализации и управляемости страновых коммуникационных режимов.

Гипотеза 1. Предположительно коммуникационные режимы являются одним из условий достижения социального порядка, а системная роль коммуникационных режимов заключается в упорядочивании коммуникаций и информации.

Исследование на примере стран Центральной Азии показало, что, действительно, возникновение коммуникационных режимов

обусловлено необходимостью создания общеобязательных и желательно общепринятых принципов, без которых сложно упорядочивать и координировать отношения в общественной системе. Субъекты коммуникационных режимов (в странах Центральной Азии это субъекты государственной власти) институционализируют правила, структурируют и нормируют каналы коммуникации, содержание коммуникации, участников коммуникации с целью обеспечения социального порядка.

Гипотеза 2. Управление коммуникационным режимом рассматривается нами как процесс, а управляемость – как атрибутивная качественная характеристика коммуникационного режима. Управляемость является мерой контроля со стороны управляющего центра в отношении объектов управления и добровольного согласия объектов управления со степенью своей подчиненности и автономности. Предположительно управляемость достигается тогда, когда общество добровольно интериоризирует, согласует и признает институционализированные практики, структуры, формы, инструменты, степень контроля коммуникаций и санкции за отклонения от установленных норм.

На примере стран ЦА эта гипотеза подтвердилась. Анализ страновых коммуникационных режимов показывает, что их отличительной особенностью является высокий уровень их управляемости. Такая управляемость в ЦА достигается за счет особого механизма социального контроля акторов коммуникации. В основе этого механизма лежат некоторые специфические явления (клановость, этатизм, этнические и культурные идентификации, патернализм и др.), имеющие следствием ожидаемое поведение большинства граждан, взаимоконтроль в социальных группах и априорный консенсус большей части общества в отношении норм, правил и принципов коммуникации, устанавливаемых властью. В меньшей степени на управляемость коммуникационных режимов стран ЦА влияют механизмы самоорганизации, саморефлексии власти, обратной связи и адаптации.

Гипотеза 3. Критериями управляемости коммуникационных режимов являются: возможность бесконфликтного перевода системы коммуникаций из одного состояния в другое; способность субъектов управления достигать контролируемых параметров коммуникационного режима; добровольное согласие подавляющего большинства населения с мерой их подчиненности власти и мерой контроля коммуникации и информации; способность использовать для регулирования коммуникационных режимов механизмы самоорганизации и саморефлексии объектов управления.

Несмотря на изначально определенный нами высокий уровень управляемости коммуникационных режимов в странах ЦА, анализ режимов по указным критериям обнаружил ряд латентных противоречий. Во-первых, ни в одной стране у власти не получается бесконфликтно перевести систему коммуникаций из одного состояния в другое (такая попытка сейчас наблюдается в Узбекистане, где заявлены новая роль и новые правила для СМИ и НКО). Даже небольшие изменения, с которыми не согласны граждане, вызывают социальные возмущения (в реальной или виртуальной средах, открытые или скрытые, в больших или в малых группах, но они имеют место быть). Как, например, это происходило в Казахстане при вводе новых правил в отношении иностранных НКО. Во-вторых, не все коммуникационные режимы могут принять механизмы самоорганизации и саморефлексии объектов управления как самостоятельные механизмы развития коммуникационных режимов. Но, понимая потенциал этих механизмов, в ряде стран субъекты управления вовлекают самоорганизованных участников в ассоциации под патронатом государственной власти. И в итоге в рассматриваемых странах субъекты управления способны достигать контролируемых параметров коммуникационного режима и добиваться его воспроизводства на основе согласия большинства населения с той мерой их подчиненности и с той мерой контроля за коммуникациями и информацией, которые устанавливает власть.

Гипотеза 4. Вероятно, что для управляемости коммуникационных режимов усилия их субъектов должны быть направлены не только на упорядочивание, контроль и достижение реализации решений, но и на достижение солидарности и согласованности всех участников коммуникации. Это предположение подтвердилось. В ряде стран Центральной Азии тема солидарности и общественного согласия является доминирующей в общественно-политическом дискурсе.

Гипотеза 5. Мы предполагали, что в условиях высокого общественного запроса на сетевые горизонтальные отношения власти и общества для современных коммуникационных режимов характерны субъект-субъектные отношения. В странах ЦА мы обнаружили лишь зачатки общественного запроса на сетевые горизонтальные отношения с властью и выявили классические субъект-объектные отношения акторов коммуникации. Акторные модели всех рассмотренных стран асимметричны, наблюдается регуляторное и институциональное доминирование субъектов власти, совмещенное с патернализмом в отношении иных акторов коммуникационных режимов. Наибольшее доминирование властных акторов наблюдается в Туркменистане, наименьшее (по сравнению с другими странами ЦА) – в Кыргызстане.

Основные результаты исследования

Акторные модели коммуникационных режимов всех изученных стран Центральной Азии асимметричны (с разной степенью асимметричности), в числе влиятельных акторов преобладают участники, аффилированные с государственной властью. Гражданские институты и СМИ берутся под патронат власти, которая, в свою очередь, берет на себя обязательства по созданию условий для их развития. Акторы, не связанные с государством, не играют существенной роли в формировании правил и норм коммуникации и содержания информации. С точки зрения управляемости коммуникационных режимов практика, сложившаяся в странах ЦА, до определенного момента позволяет упорядочивать коммуникации и сохранять социальную стабильность. Вместе с тем мы знаем, что законы социальной жизни таковы, что система может сама провоцировать дестабилизацию, когда уменьшаются ее способности к адаптации. Это происходит в условиях недостаточности ее внутреннего разнообразия при одновременном росте открытости и прозрачности систем. Поэтому попытки ряда стран изменить правила коммуникации, поддержать или самим создать новых акторов коммуникации – это попытки адаптации к изменяющейся реальности.

Сложность ситуации в странах ЦА в том, что при снижении контроля власти появляющиеся ниши, скорее всего, займут не независимые акторы, а акторы, зависящие от внешних центров принятия решения, желающих оказать влияние на ситуацию внутри страны.

В ряде стран (Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан) отмечаются попытки обновления коммуникационных режимов. Исходя из видения «идеальной» модели коммуникации (связанной с образом будущего страны и представлениями центров принятия решений о роли государства и институтов гражданского общества в достижении этого будущего) юридически закрепляются новые принципы и правила, новые роли участников коммуникации. Вместе с тем анализ общественно-политического дискурса показывает, что для легитимизации новых регуляторов и новых ролей властные институты обращаются к традициям и апеллируют к традиционным ценностям.

Социальная инженерия и воспроизводство коммуникационных режимов:

- социальная инженерия коммуникационных режимов во многом основана на секьюритизации вопросов идентичности, языка, независимости, референтных сфер жизни;

- наблюдается выраженный этатизм с характерной для него политикой государственного регулирования и контроля процессов и структур общественной коммуникации;

- управляющие центры апеллируют к темам общественного согласия, межэтнического и межконфессионального диалога, укрепления ценностных ориентиров и духовных основ, консолидации общества, укрепления национальной идентичности, развития национальных языков (при этом не во всех рассматриваемых странах подчеркивается значимость русского языка);

- для поддержки коммуникационных режимов запускаются механизмы идентификации: сохранение исторического наследия, вклад народов в мировую цивилизацию и мировую культуру, национальный язык. Руководство стран в своих обращениях апеллирует к национальным традициям, обычаям, особенностям национального характера.

Современные коммуникационные режимы стран Центральной Азии институционализируются не только правовыми актами. Продолжают воспроизводиться неформальные регуляторы общественной и политической коммуникации. Эти регуляторы, как правило, находятся в «слепой» зоне режимов. В этой зоне были выявлены такие явления, как клановость и характерный для нее механизм особого социального контроля, в котором происходит взаимный контроль всех участников за счет неформальных отношений и правил, роли лидеров клана, старейшин.

За пределами нашего исследования на данном этапе остались бизнес-акторы, чье влияние, несомненно, имеется в ряде рассматриваемых стран и будет проанализировано нами в дальнейших исследованиях. Также мы обратимся к анализу роли и технологий участия в организации страновых коммуникаций внешних акторов, находящихся за пределами исследуемых стран. Детальный анализ стран представлен в нашем отчете, с которым участники дискуссии могли познакомиться заранее и подготовить свои выступления.

Правовое регулирование сети Интернет на постсоветском пространстве (Смолик Н.Г.)

Сеть Интернет представляет собой практически полностью саморегулируемую среду, в которой пользователи следуют случайно сложившимся нормам поведения, некоего «сетевого» этикета: нормы морали, этики, обычаев, традиций входят в основу саморегулирования интернет-отношений. Однако на настоящем этапе возникает

необходимость найти меру правового регулирования. За последнее десятилетие в регионе СНГ наблюдается неуклонное развитие инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и внедрение телекоммуникационных услуг. Необходимо определить необходимость специальных законов, регулирующих отношения в Интернете.

Исходя из опыта твиттер-революции в Молдавии в 2009 году, событий «Арабской весны» в 2011 году, протестных акций в Египте, Евромайдана на Украине и протестов в Белоруссии, использующих активно ИКТ и социальные сети для реализации целей оппозиций, имеет смысл говорить об острой необходимости регулирования сети Интернет без допущения нарушений конституционных прав граждан.

Регулирование сети Интернет нужно как минимум, чтобы предотвращать террористические угрозы, преступные действия, наносящие угрозу государству, личности и обществу, блокировать и пресекать пропаганду насилия, войны, жестокости, экстремистской деятельности, потребления и использования наркотических и психотропных веществ, порнографию.

Существует разный опыт регулирования сети на постсоветском пространстве.

Азербайджан все больше зависит от информационно-коммуникационных технологий, но нормативно-правовая база в области телекоммуникаций остается недостаточно развитой. С точки зрения регулирования Интернет рассматривается как СМИ и включен в перечень телекоммуникационных услуг, регулируемых Законом о телекоммуникациях. Баку обеспечен неофициальным и не поддающимся учету механизмом осуществления контроля над сектором ИКТ. Министерство транспорта, связи и высоких технологий в Азербайджане обладает значительной властью, позволяющей ограничивать, модифицировать и осуществлять мониторинг Интернета в стране, не уведомляя абонентов.

В Армении главным отраслевым законом, который регулирует сферу телекоммуникаций, является Закон «Об электронной коммуникации». В Армении не существует специальных правовых норм, которые бы регламентировали порядок ограничения доступа к тем или иным информационным ресурсам, доступным пользователям Интернета. Блокировка доступа осуществляется на основании решения суда.

В Республике Беларусь предусмотрено ограничение доступа к интернет-ресурсам с незаконным или нежелательным контентом. Блокироваться могут не только интернет-ресурсы белорусского

сегмента Интернета, но находящиеся за его пределами. Блокирование тех или иных сайтов осуществляется без санкции суда на основании «черного списка», рассылаемого интернет-провайдерам, и без уведомления о включении в этот список. 16 марта 2021 года А. Лукашенко заявил, что в Беларуси планируется создание единого госоргана по регулированию Интернета и IT-направления.

В Казахстане целенаправленно осуществляется правовое регулирование национального интернет-пространства. С 2001 года сайты впервые были приравнены к категории СМИ. Правительство в 2009 году приняло ряд нормативных правовых актов о регулировании интернет-пространства, изменяющих природу правовых отношений всех субъектов в интернет-пространстве, что подтверждает выводы о том, что в государстве взят курс на ограничение свободы массовой информации в сети. Опыт Казахстана заключается в контроле своего сегмента Интернета через контроль над сотовыми операторами, так как большинство пользователей задействуют мобильные устройства для выхода в сеть.

В Молдове законодательные рамки связаны с европейским законодательством. Закон назначает Национальное агентство Молдовы по регулированию в области электронных коммуникаций и информационных технологий регулирующим органом в сфере телекоммуникаций Молдовы. Агентство наделено автономией в секторе ИКТ. Провайдеры интернет-услуг осуществляют свою деятельность сразу после уведомления Агентства. Закон о прессе не регулирует деятельность онлайн-СМИ, блоги и сайты традиционных СМИ, и в Молдове нет специального закона об информации, в отличие от других постсоветских государств.

Нормативно-правовая система в Узбекистане тесно связана с исполнительной ветвью власти. Частные сервис-провайдеры, интернет-кафе и мобильные операторы, поставщики телекоммуникационных услуг должны получать лицензии для осуществления деятельности, регистрируясь как юридические лица, что повышает контроль над отраслью. Администраторы сайтов обязаны вставлять на учет в госорганах и подавать копии опубликованных материалов, а с 2010 года – предоставлять данные по сотрудникам сайтов и копии их статей. Все операторы сетей и провайдеры Интернета имеют право выхода в международные сети исключительно через Национальную сеть передачи данных. Все соцсети и мировые интернет-компании в обязательном порядке должны обрабатывать персональные данные граждан Узбекистана, расположенных на территории страны, только при условии, что все необходимое оборудование будет храниться на территории РУ.

Важным законом Украины, устанавливающим правовую основу деятельности в сфере телекоммуникаций, является Закон Украины «О телекоммуникациях». Услуги по предоставлению доступа в Интернет операторами, провайдерами телекоммуникаций в Украине не лицензируются и предоставляются на основании письменного договора с абонентом. НКРСИ 27 января 2018 года утвердила законопроект Национальной полиции Украины, который позволяет блокировать сайты на срок от трех месяцев до трех лет по решению суда, а также без судебного постановления – «если нужно предотвратить тяжкие преступления». Закон о блокировании запрещенных интернет-сайтов обязует международных интернет-провайдеров установить специальное оборудование. Подобные «черные ящики» предусмотрены для блокировки доменных имен и соответствующих IP-адресов сайтов из санкционного списка. В 2021 году подписан указ о создании Центра противодействия дезинформации, объединяющий все государственные учреждения, которые имеют отношение к борьбе с дезинформацией, в том числе специальные органы, органы разведки, национальной безопасности. Создан Центр стратегических коммуникаций и информационной безопасности для повышения «стойкости общества к гибридному информационному влиянию». Принята «Стратегия информационной безопасности». Документ логически продолжает политику, которую официальный Киев принял на вооружение в последнее время: закрытие СМИ, блокирование информации в Интернете. В случае военного положения военные администрации имеют право запрещать передачу информации через компьютерные сети. Как видно, на Украине система, обеспечивающая контроль над информационным пространством, информационными ресурсами выстроена серьезно.

Киргизская Республика. В Кыргызстане интернет-сайт не является средством массовой информации. В течение 2011 года парламент Кыргызстана принимал документы, которые законодательно прописывают возможность применения государством технологии фильтрации сайтов (хотя не указывается механизм). Киргизия присоединилась к Модельному закону «Об основах регулирования Интернета» стран СНГ. 23 августа 2021 года президент С. Жапаров подписал Закон «О защите от недостоверной (ложной) информации». В нем прописывается деанонимизация пользователей Интернета, а также блокировка сайтов без решения суда, если там будет опубликована ложная информация. В ст. 5 Закона говорится, что интернет-провайдер, хостинг-провайдер, владелец сайта или страницы ограничивают или запрещают доступ к ложной информации. Кроме этого, интернет-провайдеры, владельцы пунктов

публичного доступа обязаны «осуществлять идентификацию своих абонентов».

Республика Таджикистан. Основными государственными органами, регулирующими Интернет в Таджикистане, являются Совет безопасности, Совет по ИКТ и МТС. Департамент связи и информатизации МТС является основным регулятором в телекоммуникационной отрасли и уполномочен выдавать лицензии на любую связанную с этим деятельность. Президент остается ключевым органом, который ратифицирует основные правовые документы в сфере ИТ и руководит политикой в области ИКТ в стране. ГК контролирует реализацию Государственной стратегии развития информационных и коммуникационных технологий Республики Таджикистан, направленной на развитие информационного общества и использование потенциала страны в области ИКТ.

Все таджикские интернет-провайдеры работают по лицензии Министерства транспорта и коммуникаций Таджикистана. Интернет-провайдерам разрешено использовать услуги VoIP на основании лицензии на IP-телефонию, хотя министерство внесло поправки, требующие от провайдеров VoIP получения специальной лицензии, предположительно в качестве средства для дальнейшего регулирования сектора Интернет в Таджикистане.

Туркменистан. Граждане Туркменистана относительно недавно получили возможность свободного доступа к Интернету. Во время правления первого президента Туркменистана С. Ниязова частному лицу получить доступ к Интернету было практически невозможно. Обеспечение свободного доступа к Интернету жителей Туркменистана было одним из главных предвыборных обещаний Г. Бердымухамедова, возглавившего страну в феврале 2007 года.

Интернет в стране регулируется законами «О правовом регулировании развития сети Интернет и оказания интернет-услуг в Туркменистане», «О связи», «Об информации и ее защите» и другими нормативно-правовыми актами Туркменистана в области связи, ими также регулируются отношения между пользователями сети Интернет и поставщиками интернет-услуг.

Закон «О правовом регулировании развития сети Интернет и оказания интернет-услуг в Туркменистане» был принят в 2014 году. Он устанавливает специальное ограничение доступа детей к информационной продукции, передаваемой через Интернет. К информации, запрещенной к распространению среди детей, относятся материалы, способные вызвать у детей желание употребить наркотики, алкоголь, табачные изделия, отрицающие семейные ценности и формирующие неуважение к родителям, оправдывающие

противоправное поведение, содержащие нецензурную брань, а также информацию порнографического характера.

Власти Туркменистана блокируют доступ к социальным сетям YouTube, Facebook, Twitter, Zoom, PayPal и др., а также выход на многие новостные и оппозиционные сайты. С февраля 2012 года в стране заблокированы и некоторые анонимайзеры, прокси-серверы, с помощью которых наиболее продвинутые пользователи могли посетить заблокированные сайты. Чтобы пользоваться электронной почтой, нужно заключить письменный договор на такую услугу с провайдером с указанием присвоенного гражданину e-mail-адреса. Кроме того, госорганы могут сотрудничать с общественными объединениями, которые занимаются отслеживанием противоправной информации в сети.

9 декабря 2020 года в Туркменистане приказом председателя Агентства «Туркменарагатнашк» утвержден Порядок и условия подключения к Интернету, который определяет порядок и условия подключения к Интернету, в том числе условия защиты информации, доступной в таких сетях, финансирования соответствующих мероприятий, обмена информацией с использованием Интернета.

Таким образом, масштабы влияния Интернета на мировое сообщество заставляют задуматься о том, что именно невозможно без регулирования и контроля. Необходимость создания правовой базы в отношении конкретных областей использования Интернета безусловна, но с учетом ненарушения конституционных прав граждан.

Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ-ЭИСИ № 21-011-31812\21 «Имитационное моделирование распространения социальных норм и ценностей: глобальные коммуникации VS информационный суверенитет РФ» (руководитель – д.п.н Д.А. Дегтерев).

Информационная интерактивность в коммуникационной системе Казахстана: взаимодействие государственных органов и СМИ (Оспанова А.Н.)

Спустя 22 года с момента принятия Закона РК «О средствах массовой информации» можно уверенно говорить об улучшении положения журналистского сообщества в стране, а также о повышении уровня взаимодействия государства и гражданского общества, которое в том числе и представляют СМИ как один из важнейших социально-политических институтов в любом обществе.

Изменение подходов государства к удовлетворению запросов граждан, готовность вести конструктивный диалог определили и стратегию взаимодействия госорганов со средствами массовой информации. В частности, в свете реализации концепции «слушающего государства» Президента РК К.-Ж. Токаева мы видим, что руководство страны взяло курс на открытость работы государственных органов². Также мы видим работу по повышению статуса журналиста, что прослеживается в подготовке нового Закона РК о СМИ и развитии диалоговых и брифинговых площадок в стране, позволяющих как журналистскому сообществу, так и рядовым гражданам получать полную информацию из первых уст.

Кроме того, в укреплении интерактивности коммуникационного режима, частью которой являются СМИ, одну из ключевых ролей должен сыграть Национальный план развития сферы информации на 2020–2022 годы, реализуемый в настоящее время. Он ставит задачи повысить уровень востребованности потребителями отечественной информационной продукции к 2023 году до уровня не менее 70%, а также увеличить удовлетворенность населения освещением государственной политики в СМИ к 2023 году аналогично до уровня не менее 70%. В плане также предложены конкретные шаги по правовому регулированию информационной сферы, повышению конкурентоспособности СМИ. В кейсе коммуникационной системы выделяются намерения создать собственную систему медиазамеров для более точного ранжирования аудитории СМИ; локализовать местное теле- и радиовещание; определить правовой статус блогеров. По нашему мнению, Нацплан, вкупе со всеми реформами в сфере, послужит основательным укреплением отечественного информационного рынка, а также укрепит позиции СМИ и их уровень взаимодействия с государственными органами³.

Учитывая текущую ситуацию, уникальную для независимого Казахстана, в докладе будет делаться упор на деятельность коммуникационной системы страны в период пандемии, так как в данных условиях ее жизнеспособность и эффективность прошли тяжелые испытания.

Нельзя отрицать тот факт, что в век информационных технологий и широчайшего распространения социальных медиа СМИ теряют монополию на информацию, однако становятся

2 В КИСИ при Президенте РК состоялась международная онлайн-конференция «От Слушающего государства» к «Справедливому государству». Режим доступа: <http://www.kisi.kz/index.php/ru/meropriyatiya/2020-god/6735-v-kisi-pri-prezidente-rk-sostoyalas-mezhdunarodnaya-onlajn-konferentsiya-ot-slyshashchego-gosudarstva-k-spravedlivomu-gosudarstvu>.

3 Об утверждении Национального плана развития сферы информации на 2020–2022 годы. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000183>.

ключевыми объектами общественной коммуникации, фокусируясь на разъяснении и уточнении той или иной информации – функция оперативного информирования планомерно отвоевывается социальными сетями и мессенджерами, что, однако, ни в коем случае не умаляет роль традиционных СМИ (печатных, сетевых изданий, телевидения, радио) для гражданина.

Так, по состоянию на 2021 год в стране зарегистрировано 4919 СМИ, что больше на 369, чем в прошлом году (в 2020 году их насчитывалось только 4550). Это свидетельствует о сохраняющейся актуальности СМИ и высоком спросе на них со стороны населения⁴. Несмотря на то, что в перспективе последних шести лет, как и в целом по миру, доля социальных медиа в информационном потреблении граждан увеличилась на 25% – до 63,5%, а покрытие граждан Интернетом и вовсе возросло до 81,9% в начале 2021 года, телевидение тоже укрепило свои позиции в период пандемии, увеличив среднее время просмотра на 25%⁵. В данных условиях роль традиционных СМИ как разъяснительного механизма укрепились. Наиболее активно по сравнению с иными периодами аудитории представлялись экспертные мнения, а также организовывались диалоговые мероприятия, направленные на улучшение информационной работы с населением.

В данной связи характерно, что именно традиционным СМИ в плане подачи информации население доверяет больше, чем социальным медиа. Так, по статистике International Media Service, 37% аудитории наиболее доверяют газетам, 32% – радио, 31% – телевидению, 26% – сайтам и только 17% – социальным сетям⁶.

В целом что мы понимаем под «интерактивностью коммуникационной системы РК»? Прежде всего, в основе лежат критерии открытости, доступности и оперативности. В случае с открытостью госорганов и всей системы коммуникаций мы можем опираться на концепцию «слушающего государства», которая и ставит своей целью максимально приблизить государственный аппарат к гражданину и минимизировать барьеры между властью и обществом для наиболее целостного понимания социальной картины.

Относительно доступности информации следует обратить внимание на то, что в Казахстане действует уникальная структура – Служба центральных коммуникаций при Президенте РК. На ее

4 Astana Media Week-2021: развитие отечественных СМИ и поддержка журналистов. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/astana-media-week-2021-razvitie-otechestvennykh-smi-i-podderzhka-zhurnalistov/>.

5 Медиапотребление в Казахстане в 2020 году: интернет и социальные сети побеждают. URL: <https://ekonomist.kz/zhussupova/mediapotrebienie-kazakhstan-2020-internet/>.

6 Медиапотребление во время карантина. URL: <http://imservice.kz/rus/news/602/>.

примере можно объяснить подход государства к информационной работе с населением, основными акторами которой становятся СМИ, освещающие ход брифингов, проходящих на площадке службы.

В традиционном формате Служба организует брифинги на ту или иную тему с участием представителя или главы уполномоченного органа. В ходе трансляции, после завершения докладов спикеров, начинается сессия «Вопрос – ответ», в которой могут принять участие все аккредитованные журналисты. С началом пандемии действие брифингов перешло в онлайн-режим, что, однако, не сказалось ни на работоспособности, ни на эффективности подачи информации от спикеров к СМИ и от СМИ к гражданину. Напротив, переход в онлайн-формат активизировал работу Службы: было проведено 380 мероприятий за 2020 год, по итогам которых было составлено свыше 200 тыс. информационных материалов, что значительно превышает показатели прошлых лет⁷. Площадка ЦСК является основной в стране, несмотря на наличие ведомственных платформ, на которых специализированно и по узким темам выступают представители того или иного ведомства, в частности МВД РК. Наиболее активно она используется для разъяснения реформаторской политики Главы государства, ответов на наиболее актуальные общественные запросы (в частности, именно в ЦСК разъяснялись механизмы снятия пенсионных накоплений для покупки жилья или перехода многоквартирных домов от КСК к ОСИ). Брифинговая площадка также располагает аккаунтами на всех доступных платформах (Youtube, Facebook, Instagram, Telegram), где ведутся параллельные текстовые и видеотрансляции для наибольшего охвата аудитории.

Если же говорить об оперативности как критерии интерактивной системы, мы можем также обратиться к брифингам. Так, региональные службы коммуникаций присутствуют во всех областях и городах республиканского значения, что позволяет оперативно реагировать на все происходящие события локального и республиканского масштаба, точно прорабатывая аспекты информационной работы на местах. Ярким примером оперативного реагирования госорганов стали взрывы в Байзакском районе Жамбылской области, где представители уполномоченных ведомств в течение нескольких часов после происшествия организовали экстренный брифинг, не допустив распространения инсинуаций по поводу трагедии и качественно донес до граждан суть происходящего, а также предпринимаемых действий по урегулированию ситуации.

⁷ Итоги деятельности Службы центральных коммуникаций в 2020 году. URL: <https://ortcom.kz/ru/korotko-o-glavnom/1618283601>.

Можно считать данный механизм весьма эффективным и актуальным, учитывая высокую изменчивость и динамику информационного поля страны. Показательным в этом ключе можно считать работу коммуникационных служб в начале пандемии COVID-19, когда распространение болезни вынудило правительства стран мира отправить население на карантин. Казалось бы, что данные обстоятельства могут сыграть на руку государственным органам, ведь теперь уходить от вопросов журналистов можно на законных основаниях лишь руководствуясь соблюдением ограничительных мер. В реальности же государственные органы, а также коммуникационные площадки весьма оперативно переместились в онлайн-пространство.

В течение всего периода пандемии казахстанские госорганы показывали высокий уровень готовности взаимодействовать с общественностью. В подтверждение этому можно назвать еженедельные брифинги МЗ РК, зачастую с участием министра Алексея Цоя, брифинги МВК по нераспространению коронавируса под председательством первого заместителя премьер-министра Ералы Тугжанова, где население через СМИ получало новую информацию об эпидситуации. Немаловажную часть всего инфопотока занимали и иные пресс-конференции профильных ведомств на актуальные темы, возникавшие в данный период, как, например, вопрос возобновления единовременных выплат в размере 42500, возвращения к очной форме обучения в школах и вузах и т.д.

О высоком уровне взаимодействия СМИ и госорганов говорит борьба с дезинформацией, которая начала явно проявляться в период пандемии. Только благодаря крепкой связи СМИ и государственных органов удалось предотвратить волну фейковых новостей о коронавирусе, вакцинации и прочих мерах правительства по нивелированию роста заражения. Следует подчеркнуть, что в настоящее время восприятие населением дезинформации меняется, ведь обсуждение феномена «фейк-ньюс» четыре года назад едва ли влияло на рядового гражданина столь сильно, как сейчас, ведь тогда он носил политический характер. В текущих условиях «фейк-ньюс» стали не только общественно вредными, но и опасными для здоровья, что определило важность их скорейшего развенчивания. Мы можем увидеть примеры такой работы еженедельно в лентах крупнейших новостных порталов страны: Tengrinews, «Закон», «Нур», «Казинформ» и т.д. Даже несмотря на абсурдность данных конспирологических версий – заражение путем 5G, чипизация, попытки изменения

генома человека вакцинами – их необходимо развеивать. Работа не прекращается, и, что немаловажно, она проводится вместе с уполномоченными ведомствами, которые непрерывно, по сути, на прямой линии, снабжают агентства достоверной информацией. Благодаря данным усилиям удастся бороться с эпидемией «антиваксерства», удастся предохранить граждан от паникерства – это, можно сказать, один из основных примеров интерактивности и адекватной реакции государства и общества на вредоносные элементы.

Пандемия изменила социум до самого основания, а также вынудила государственный аппарат перестраиваться под новые рамки информационного взаимодействия. Мы действительно наблюдаем в настоящее время укрепление интерактивного характера коммуникационного режима Казахстана – это было обусловлено самим временем, и реальные шаги, эффективные механизмы, описанные ранее, свидетельствуют о высоком приоритете трансформации всей информационной сферы в духе ответа на вызовы современности.

Позитивно отмечается тот факт, что за рамками укрепления СМИ как главного коммуникационного узла, ответственного за детальное пояснение аудитории аспектов того или иного законопроекта, все активнее проявляется прямая связь «государство – гражданин». В Концепции К.-Ж. Токаева барьеры между властью и обществом должны быть минимальны, а пандемия и рост цифровой грамотности, пришедший с ней, создают оптимальные условия для общения чиновников с рядовыми гражданами.

Несмотря на то, что большая часть государственных чинов до сих пор не демонстрирует явного желания идти на тесный контакт с населением, отмечают значительные подвижки: так, акимы городов республиканского значения и областей проводят прямые линии при помощи соцсетей, где они в прямом эфире общаются с казахстанцами. Все государственные органы присутствуют в социальных сетях. Конечно, их представительство разнится, однако все имеющиеся платформы, начиная от Youtube и Facebook и заканчивая мессенджером Telegram, активно осваиваются, предоставляя государству самому выступить в роли СМИ.

Конечно, заменить традиционные СМИ не сможет никто, однако стремление управленцев и политиков, в особенности представителей молодежи, активно пользоваться современными каналами связи может получить только высокие оценки как со стороны экспертного сообщества, так и со стороны рядового гражданина.

О некоторых проблемах религиозной коммуникации в Казахстане (Бегалинова К.К.)

В современную глобализационную эпоху усиливаются процессы непредсказуемости, неопределенности, экстремальности в развитии мирового сообщества. Ситуация неопределенности (снижение чувства безопасности и защищенности, рост неуверенности в завтрашнем дне), которую еще К. Юнг называл «полумгла и бесконтрольность сознания», Поль Фейрабенд – «теоретический плюрализм и борьба альтернатив», все больше становится привычным атрибутом действительности. И в этих условиях государства, нации, этносы, особенно относящиеся к разряду «аутсайдеров» в терминах постмодернизма, к странам «первой волны», сталкиваются с другими в поисках «баланса сил» как ньютоновские бильярдные шары (Э. Тоффлер), усиливая неравновесность мировой системы. Растет напряженность в мире, количество локальных войн. Не одно десятилетие полыхают войны, конфликты в странах исламского мира. Красноречивым свидетельством этому является ответ афганского мальчика на вопрос американского журналиста: «Ты хочешь мира?» – «Да, хочу, только скажите, что это такое?». И данный ответ подростка, выросшего с автоматом в руках, вызывает особую озабоченность, поскольку мы связаны с ними общностью истории, культуры, веры. Связаны настолько тесно, что сегодня ни одно правительство мира не может контролировать даже курс своей валюты, омываемой, по выражению Элвина Тоффлера «нерегулируемыми приливами и отливами электронных денег». Из-за рубежа в наши страны проникают потоки денег, террористов, оружия, наркотиков, чужой культуры, религии, информации и много еще других различных феноменов, именуемых «вызовами времени».

Одним из серьезных вызовов времени является религиозный фактор. Сегодня религия является самым уязвимым местом для внедрения радикальных идей. Ни одна религия не застрахована от фанатизма его приверженцев, от использования ее в политических целях. За примерами далеко ходить не надо, это ИГИЛ, «Талибан», «Хизб-ут-Тахрир»⁸ и другие запрещенные организации, которые активизировали свои действия в Центрально-Азиатском регионе. Современные события, происходящие в Афганистане, наглядно подтверждают органическую связь вопросов религии и государства, когда власть захватывают представители радикального религиозно-политического военизированного движения (в частности,

запрещенного во многих странах мира). Для Казахстана, имеющего протяженные границы с республиками Средней Азии, эта проблема особенно острая, можно сказать, болезненная.

В силу прозрачности границ и общности менталитета с государствами, в которых радикально настроенные элементы приобретают определенные позиции, близости так называемых «горячих точек», не исключается возможность попыток внешнего воздействия, нацеленного на создание в нашей стране структурных звеньев международных террористических и религиозно-экстремистских организаций. Возможно, что спящие ячейки этих организаций, которые ждут сигнала, в наших странах существует. Ведь некоторые исламские направления и школы практикуют так называемое «такья», то есть благоразумное скрывание веры и убеждений до подходящего момента. Этот факт исключать ни в коем случае нельзя.

Наиболее активную деятельность сегодня ведет международная религиозно-экстремистская партия «Хизб-ут-Тахрир», отчасти она распространяет среди определенной части населения Средней Азии и Казахстана идеи по построению всемирного исламского государства «Халифат». С середины 1990-х годов «Хизб-ут-Тахрир» начал активную деятельность на территории бывшего СССР, в частности в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, а с 2000 года – и в Казахстане. К числу экстремистских организаций относится также «Таблиги Джамаат», нашедшая распространение в Жамбылской, Мангистауской областях, частично в Петропавловске, организация «Ахмадие» – в Восточно-Казахстанской области (Семипалатинск).

Основной проблемой для южных и западных регионов Казахстана остается распространение радикальной религиозной идеологии, активизация деятельности представителей таких религиозных течений турецкого происхождения, как нурсизм, «Тарихатшилар», «Сулейменшилер», религиозно-политической партии «Хизб-ут-Тахрир» («Исламская партия освобождения») и движения «Таблиги Джамаат» («Общество исламских улемов»). Особый интерес для салафитов, различного рода миссионеров экстремистского толка представляют западные регионы Казахстана, что обусловлено большими нефтегазовыми ресурсами.

Религиозная миссионерская организация «Таблиги Джамаат» продолжает активно предпринимать попытки пропаганды своей идеологии и увеличения сторонников. В Республику Казахстан представители «Таблиги Джамаат» начали прибывать из стран Арабского Востока, Пакистана и Афганистана с 1998 года группами в количестве от 5 до 10 миссионеров. В целях привлечения

большого числа своих приверженцев активисты данного течения периодически организуют трех-, десяти- и сорокадневные поездки («дагуаты») по селениям и городам. Данные действия джамаатовцев способствуют широкому распространению идеологии «Таблиги Джамаат» на всей территории Казахстана. С такими организациями коммуникацию нужно вести исключительно на законодательной основе.

Радикально-террористической организацией выступает и «Талибан». Как известно, данная организация формировалась в течение 1994 года при участии некоторых пакистанских мусульманских деятелей как религиозно-политическое движение Афганистана. За короткий срок она превратилась в крупное экстремистское движение. В настоящее время «Талибан» в Афганистане формирует свое государство.

В последние десятилетия терроризм интернационализировался, появились международные и транснациональные группировки, возникла связь и взаимодействие между некоторыми террористическими организациями. Особенно силен кибертерроризм, поскольку он умело использует новейшие инновации сети Интернет и компьютерных технологий, последние достижения сетевых коммуникации, и свои виртуальные паучьи сети разбросал по всем странам и представляет потенциальную угрозу мировому сообществу в целом и нашему государству в частности.

С учетом растущей угрозы и масштабов распространения терроризма и религиозного экстремизма в Центрально-Азиатском регионе все более актуальным становится вопрос о противодействии тем лицам и организациям, которые борются за власть, прикрываясь религиозной риторикой, используя методы террора, разжигания межконфессиональной и межнациональной розни. Эта проблема для нашего поликонфессионального казахстанского общества архиважна. За годы независимости в нашей стране произошел существенный рост религиозных конфессий и организаций. Так, если на 1 января 1989 года в Казахстане было около 681 религиозного объединения, то в 2011 году (до принятия Закона о религиозной деятельности и религиозных объединениях) насчитывалось около 46 конфессий и деноминаций, 4551 религиозного объединения, многие из которых имеют руководящие религиозные центры за рубежом. В настоящее время на религиозном поле республики осталось более 3800 религиозных объединений и их филиалов, представляющих 17 конфессий. Речь идет о зарегистрированных организациях.

Как видим, религия является и в XXI веке неизменным спутником человечества. И игнорировать ее нельзя. Необходимо вырабатывать

эффективные модели, теории коммуникации, основанные на принципе толерантности. В этой связи большое внимание необходимо уделять религиозному просвещению молодежи, стараться решать их проблемы.

Форматы коммуникации власти и СМИ в условиях COVID-19: Республика Казахстан (Панов В.С.)

Работа, проделанная авторами исследования, очень большая и тяжелая. Думаю, в дальнейших исследованиях коммуникационных режимов авторам следует обратить внимание на изменение форматов взаимодействия СМИ и власти в особых условиях, в частности, в условиях COVID-19. Эти форматы, вероятнее, приживутся и будут использоваться в постпандемийный период. Изменение форматов взаимодействия повлияло на режимы коммуникации, что не всегда способствует качеству коммуникации. Речь идет об онлайн-мероприятиях. На онлайн-брифинги, конечно, можно привлечь больше журналистов, можно принять участие в нескольких таких мероприятиях в течение дня. Но представителям СМИ важно установить контакт, задать свой вопрос. В этом контексте онлайн-брифинг – это «зло» для журналиста, потому что на неудобный вопрос спикер может не отвечать. Всегда можно отключить журналиста и сказать: «Даю слово другому человеку». Если это происходит в реальном зале, то можно снова встать и попросить ответить на вопрос. В реальном зале мы видим и чувствуем спикера, в онлайн – нет. Плюс к этому на онлайн-брифингах мы теряем возможность общения и обмена мнениями с коллегами.

Далее, отмечу, что в условиях пандемии возникает перегруппировка значимости отдельных факторов коммуникационного режима. В частности, в Казахстане усилилась роль и ответственность КМО (Казмедиацентр) и МИОР (Министерство информации и общественного развития). Они неплохо справились с новыми задачами, а также с «фейк-ньюс».

В научном докладе НИИРК отмечена доминирующая роль государства в формировании коммуникационных режимов и то, что практически все значимые субъекты коммуникационных режимов связаны с государством. Это действительно так. К аргументам, представленным в докладе, добавлю еще один показатель – госзаказ. В Казахстане, как и в России, существует система госзаказа. Если не ошибаюсь, то два. Иными словами, государство в той или иной степени контролирует почти все СМИ: денежно или неденежно.

Изменения коммуникационного режима в Казахстане в принятом концепте «слышащего государства» пока трудно оценить. Некоторые инструменты, заложенные в этой концепции в отношении СМИ, немного устарели. Реакция на публикацию в «Фейсбуке» со стороны органов государственной власти и управления происходит гораздо быстрее, чем реакция на публикацию в СМИ. В Казахстане было несколько попыток обновить коммуникационный режим, но не все они были приняты обществом. Например, около двух лет назад была попытка внедрить сертификаты в смартфоны, но мало кто поставил такие сертификаты и вскоре тему закрыли. В отношении ограничений каналов коммуникации отмечу, что в Казахстане принята программа «Киберщит». С целью обеспечения безопасности государство применяет те же методы, что и ряд других государств: в момент проведения митингов в зоне мероприятия блокируются соцсети, нет доступа к некоторым нежелательным сайтам. Но в последнее время практически нет злоупотреблений такими запретами. Журналистам даже не надо использовать VPN.

Тенденции развития информационно-коммуникационной системы в Кыргызстане (Тургунбаева А.)

Обретая суверенитет, Кыргызстан как полноправный субъект международного права получил реальную возможность для проведения самостоятельной внутренней и внешней политики, отвечающей национальным интересам, которые, в свою очередь, были обусловлены направлениями его политических, социально-экономических и культурно- гуманитарных связей на принципах уважения суверенитета, территориальной целостности и общей безопасности. Постепенно появились новые аспекты: политические, правовые, культурные, гуманитарные, информационные, с позиции внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов страны. На основе этих приоритетов Кыргызская Республика стала проводить прагматичную внешнюю политику исходя из реальных внутренних ресурсов и возможностей, используя потенциал внешних ресурсов, то есть возможности других стран, которые реализовываются через средства массовой информации, проекты, некоммерческие организации, международные фонды и т.д., и стремится возвести национальные интересы Кыргызстана «в часть интересов мирового и регионального сообществ»⁹.

9 Концепция внешней политики Киргизской Республики (2007) // Дипломатический вестник. Специальный выпуск, сс. 6-9.

Коммуникационный режим стран – система норм, правил, регулирующих информационные процессы¹⁰. Кыргызстан имеет самое либеральное законодательство в отношении СМИ и НКО в Центральной Азии. В этой связи в акторной модели коммуникационного режима присутствует большой спектр медиа и НКО – как связанных, так не связанных с властью, но практически не имеющих влияния на изменение правил и принципов коммуникации.

Радиовещание Кыргызской Республики имеет более чем 80-летнюю историю. 7 марта 1927 года, в день открытия Первого Учредительного съезда Советов, который принял Декларацию об образовании Кыргызской Автономной Социалистической Республики, впервые прошла трансляция радиопередачи через репродукторы, установленные на площадях и улицах (Чернов 2009).

В постсоветской историографии информационного пространства Кыргызской Республики можно кодифицировать пять самых характерных периодов его развития:

- 1991–1992 годы – провозглашение свободы прессы;
- 1993–1995 годы – выработка собственных позиций о роли и функциях СМИ;
- 1996–1999 годы – окончательное разделение с властью (Сатылканова 2017);
- 1999–2005 годы – распределение и концентрация медиасобственности, путем образования медиахолдингов (Исабаев 2010);

С 2005 года по настоящее время – перераспределение медиасобственности и усиление влияния медиахолдингов посредством их объединения и сосредоточения в одном центре или «одних руках» (Салтыканова 2017)

Несмотря на ряд принятых постановлений, шел стихийный процесс национализации. 51% – государственные СМИ, а 49% – частные (Алымбаева Алимахунов 2021).

Местные русскоязычные СМИ, которые вещают на кыргызском языке – такие российские каналы, как «ОРТ» и «РТР».

Усилился государственный контроль за государственными телеканалами «КТРК», КТРК «Баластан», КТРК «Музыка», КТРК «Маданият», КТРК «Спорт», КТРК «Ала-Тоо 24», «ЭлТР», «Пятый канал», «Пирамида» и др.

Интернет-ресурсы, будучи коммуникационной платформой, размыли границы информации официальной и «фейковой».

¹⁰ Коммуникационные режимы стран Центральной Азии: научный доклад Национального исследовательского института развития коммуникаций. - М., 2021. URL: <https://nicrus.ru/analytics>

Культура потребления информации, медиаграмотность, слабые профессиональные качества журналистов, отсутствие журналистской этики создают определенные трудности в информационном поле Кыргызстана.

С 2017 года Кыргызстан перешел на цифровое вещание (Карагулов 2017), благодаря которому у общества появилась возможность получить широкий спектр информации. Новый информационный порядок стал реальностью, так как трансграничная передача информации практически свела к нулю юрисдикцию государства даже в пределах собственного информационного пространства (Алымбаева, Алимахунов 2021).

За годы независимости Кыргызстана СМИ в определенной степени приобрели в общественно-политической жизни страны неформальный статус «четвертой власти», и это позволяет им сегодня:

- представлять роль посредника между государственной властью и гражданским обществом;
- участвовать в формировании нового типа политической культуры;
- обеспечивать открытость и интеграцию современного Кыргызстана в общемировую систему политических отношений;
- выступать как политический институт информирования общества, социальной коммуникации и контроля власти;
- осуществлять роль орудия различных общественно-политических сил, деятельность которых носит явный манипулятивный характер.

В Кыргызстане был принят ряд важных документов, направленных на реализацию поставленных задач:

Закон, принятый в 2007 году, «О Национальной телерадиовещательной корпорации НТРК», в котором получало одобрение формирование единого информационного пространства;

Закон «О телевидении и радиовещании» 2008 года, который утвердил Государственную программу формирования и развития национальной информационной инфраструктуры;

Закон «Об общественной телерадиокорпорации КР», принятый в 2010 году, который был обусловлен процессами, связанными с переходом мирового сообщества на качественно новый этап развития глобальной информационной инфраструктуры¹¹.

11 Отчет по итогам исследования уровня медиаграмотности в Кыргызской Республике. Воробьева А., Ешеналиева А., Рахимов Р., Усенова Б. ОФ «Институт Медиа Полиси», Бишкек, 2018. URL: http://media.kg/wp-content/uploads/2018/02/Study-of-media-literacy-level-in-Kyrgyzstan_Eng.pdf.

Перечислим особенности и тенденции развития медиа в политических системах Кыргызстана в период становления и развития суверенитета, а также на основе анализа концепции в рамках данной проблематики:

1. Кыргызстан все еще не обладает общенациональным радио и телевидением международного класса, хотя одним из первых в Центральной Азии с 2010 года развивает службу общественного вещания, где присутствует развитие, просвещение и формируется общественное самосознание высокого уровня.

2. В Кыргызстане зарубежное радио- и телевидение занимает более 70% киргизского эфирного времени. Это означает, что медийный рынок идей достаточно скуден.

3. Замечено стремление политических и финансовых кланов путем обладания СМИ влиять на общественное мнение и тем самым владеть ситуацией в стране. В результате «наблюдается все более откровенная зависимость ряда СМИ от крупных политических сил, финансового капитала. Ряд изданий и телеканалов, интернет-сайтов целенаправленно работают на ослабление государства, внутривластной стабильности» (Мурзагулов 2017). Было полностью запрещено теле-, радиовещание канала «Сентябрь», который предоставлял альтернативную информацию, идущую вразрез с государственными каналами.

4. В Кыргызстане оказывается политическое влияние руководства страны на СМИ путем предоставления государственных субсидий официальным и провластным изданиям. Наблюдается определенный перекося в приватизации государственных массмедиа в пользу «денежных мешков», в среде которых сегодня происходит процесс «перераспределения» внутри класса собственников СМИ.

5. Систематически наблюдается прекращение деятельности редакции газет, журналов, радио- и телевидения. Помимо закона о СМИ контроль за СМИ осуществляется законами «О лицензировании», «О связи», уполномоченными органами в лице различных министерств, ведомств и их комитетов и комиссий, которые тоже наделены полномочиями лишения прав на издание и выпуск программ радио- и телевидения в эфир. Было запрещено издание газеты «Республика», канала «Сентябрь» (Адилбеков 2016).

В системе приведенных критериев информационное пространство Кыргызстана характеризуется своими специфическими особенностями:

- «зажатостью» дискурса проблемой выбора пути и курса развития страны;

- концентрацией на вопросах национальной самоидентификации;
- склонностью к мифологизации и персонификации политики;
- высокой политизированностью общественного мнения.

Контент частных СМИ отражает политические нормы и культуру, морально-нравственные принципы, основанные на традициях общества. Создание независимых газет и телерадиовещательных каналов было сопряжено с различными преградами и факторами со стороны государственных органов, поскольку политические события, произошедшие в стране, в определенной степени актуализировали проблему взаимоотношений между СМИ и властью. Для кыргызстанского общества государство и СМИ имеют специфический характер (Гасумянов, Комлева 2020).

Важная роль СМИ – быть в центре государственного, общественного и гражданского согласия. Благодаря существованию этого диалога СМИ выступает одним из факторов консолидации кыргызстанского общества и имеет особую значимость в многонациональном государстве, являясь механизмом формирования обратной связи, которая становится подконтрольной органам власти и общества.

Особенности коммуникационного режима в Кыргызской Республике (Череменина Е.Г.)

При проведении дальнейших исследований коммуникационного режима в Кыргызской Республике целесообразно учитывать следующие моменты.

Первый момент касается структуры и финансовой основы СМИ. В 2017 году, когда Кыргызстан перешел на цифровое вещание, у нас было около двадцати телеканалов, некоторые из которых вещали на всю республику, а некоторые – только в своих регионах. Но цифровизация телевидения дала возможность увеличить количество этих телеканалов до шестидесяти на тот момент. Это при том, что рекламный рынок Кыргызстана очень и очень небольшой. Он был оценен где-то в 7 млн долларов на 60 телеканалов. На такие деньги телеканалы не могут создавать собственный качественный контент. В Кыргызстане есть закон о телерадиовещании, который, к сожалению, не исполняется большинством телеканалов. Это им «сходит с рук», потому что отсутствует система мониторинга и система наказания со стороны государства. Конечно же, есть часть телеканалов, которые стараются этот закон соблюдать: по языковой пропорции, пропорции собственного контента. Но они не получают никакой поддержки

со стороны государства. Если один телеканал поставит скачанный из Интернета пиратский фильм и показывает его, при этом между этими фильмами крутит рекламу, то сами понимаете разницу между его затратами и затратами телеканалов, которые делают собственное производство. Поэтому 70% вещания телеканалов приходится на иностранный контент. То есть это ретрансляции каналов с небольшими вставками собственного производства: новостей, программ на русском и киргизском языках. На территорию принимаются каналы с казахским, российским, турецким контентом, на юге есть узбекские каналы.

Во-вторых, важно учитывать, что поменялся механизм продвижения контента. Люди уходят в соцсети и мессенджеры, и контролировать каналы распространения информации общественному мнению становится сложнее. Следует отслеживать появление новых игроков на этом поле, новые платформы, не пропустить и вовремя поддержать интересный проект, у которого есть потенциал развития.

В-третьих, в настоящее время происходит изменение законодательства. В научном докладе НИИРК отмечено либеральное законодательство Кыргызстана в отношении СМИ и НКО. Да, это действительно так. Но в настоящее время, в январе, Президент Кыргызстана дал поручения сделать инвентаризацию более 300 законов. В том числе четырех законов, напрямую касающихся средств массовой информации. Это один из старейших законов о СМИ, Закон о защите профессиональной деятельности журналиста, Закон о телерадиовещании, Закон об ОТРК (общественной телерадиокомпании). По сути, этот канал не только де-факто, но и де-юре будет возвращен в статус государственного канала, каким он был до 2010 года. Пока инвентаризация этих законов идет в закрытом режиме. Только 13 сентября 2021 года был проведен круглый стол Министерством юстиции, на котором обсуждались поправки в два закона: о СМИ и о защите профессиональной деятельности журналиста. Это были очень невинные поправки, сделанные без участия медиасообщества. 30 сентября 2021 года все медиасообщество собралось на свой круглый стол и направило обращение Президенту Кыргызстана, в котором сообщалось, что состояние законодательства о СМИ дает средствам массовой информации нормально работать и не требует никаких глобальных поправок, а тем более переписывания этих законов.

В августе 2021 года Президент Кыргызстана подписал Закон «О защите от недостоверной и ложной информации». Сначала он проходил как Закон «О фейковой информации», потом – после возражений и обсуждений – получил новое название. Что позволяет

сделать этот закон? По жалобе на какую-то недостоверную информацию, размещенную в Интернете, сайт без суда может быть заблокирован на некоторый срок. Таким образом, любой человек, обладающий какими-то рычагами, может закрыть любой интернет-портал. Интернет-порталы в Кыргызстане не считаются средствами массовой информации. И вот принят закон, позволяющий давить на те или иные информационные агентства.

В-четвертых, при анализе коммуникационного режима в Кыргызстане следует учитывать, что кроме распространенных форм гражданской активности в виде митингов и одиночных пикетов есть платные пресс-конференции. Некоторые информационные агентства предоставляют свои площадки за определенную плату практически для любых заявлений – начиная от криминальных вещей и решений по каким-то уголовным делам до серьезных политических и экономических заявлений. Это следует учитывать при анализе правил коммуникации.

В-пятых, следует внимательно анализировать и учитывать влияние религиозных институтов. В Кыргызстане эта проблема стоит достаточно остро, большая часть населения стала ходить в мечети и прислушиваться к тому, что там говорят. Несмотря на то, что Кыргызстан является светским государством, практически во всех государственных учреждениях, коммерческих учреждениях есть специально отведенные места, где можно производить намаз. В пятницу большое количество населения устремляется в мечети для того, чтобы совершить пятничный намаз и услышать то, о чем будет говорить им мулла. За содержанием речей нет контроля, все зависит от социальной ответственности и позиции муллы. Это действительно очень большая проблема, которая существует в Кыргызстане, потому что практически в каждом селе есть своя мечеть, а иногда их даже две: на одном конце села и на другом. Этого, кстати, не отмечается в Узбекистане. За прошедшие 30 лет, по крайней мере на юге Узбекистана, я не увидела значительного количества новых мечетей – в отличие от Кыргызстана. Все же работу с общественным мнением следует мониторить со стороны государства.

Шестой момент – это языковая политика. В последнее время все больше появляется средств массовой информации (как на телевидении, так и в Интернете) именно на государственном языке (на кыргызском) и меньше – на русском языке. На юге есть небольшое количество СМИ на узбекском языке в местах плотного проживания людей узбекской национальности. И, как уже говорилось, они имеют возможность получать там узбекские телеканалы, потому что граничат с Узбекистаном.

Межкультурные коммуникации в Центральной Азии (Назаров Р.Р.)

Расширение и углубление исследования межкультурных коммуникаций является актуальной проблемой современных социально-гуманитарных наук. Само положение Центральной Азии (ЦА) – на стыке мировых цивилизаций – предопределило ее уникальную роль в межкультурном диалоге, в обмене культурными ценностями, в развитии человеческих сообществ, конфессий, этносов, государств.

Эта роль принадлежала региону тысячелетиями, в его истории нашло свое отражение все многообразие этнических, культурных, конфессиональных процессов. Открытая и обширная зона ЦА диктовала взаимодействие и пересечение различных культур, племен, этносов, конфессий, кочевого и оседлого населения. На современной территории ЦА пересекались разные этнические группы (тюрки, иранцы, арабы, монголы, индийцы, китайцы, славяне и т.д.) и конфессии (традиционные верования, зороастризм, тенгрианство, буддизм, иудаизм, христианство, ислам).

Народы современной ЦА унаследовали разнообразие культур, традиций, конфессий. Проживающие на территории региона представители почти полутора десятков этнических групп образуют уникальную культурную мозаику, сочетающую азиатские и европейские компоненты. История ЦА полна примеров интенсивного и продуктивного межэтнического, межконфессионального, межкультурного диалога, взаимодействия, социокультурного взаимопроникновения, толерантных взаимоотношений. Центральная Азия в различные периоды своей непростой истории входила в состав многих полиэтнических, поликультурных государств: Ахеменидской державы, Греко-Македонского царства, Кушанской империи, Тюркского каганата, Арабского халифата, государств Саманидов, Караханидов, Каракитаев, Чингизидских государств, державы Амира Темура, Темуридских государств, Российской империи, СССР, представлявших собой различные модели синтеза и симбиоза, включавшего в себя разные культуры, этносы, религии.

В современной ЦА в целом удалось сохранить стабильность в межкультурных коммуникациях. Это обусловлено целым рядом факторов:

- традиционной полиэтничностью и поликультурностью региона;
- привычкой жить в мире и согласии с соседями;

- устойчивостью политического руководства;
- всей совокупностью экономических, политических, исторических, духовных, социальных особенностей.

Большая проблема региона ЦА, как и всего постсоветского пространства в настоящее время – этнизация понятия нации. Если во всем мире нация – это прежде всего гражданское сообщество, согражданство, то на постсоветском пространстве нация – это прежде всего этнос. Хотя общеизвестно, что все народы ЦА сформировались на полиязыковой, полиантропологической, поликультурной основе. Абсолютизация этничности порождает проблему взаимоотношения «коренных» и «некоренных» народов, хотя в условиях ЦА ни один из титульных этносов не может быть признан некоренным в соседнем государстве (узбеки в Шымкенте или Оше, Ходженге или Ташаузе, казахи в Каракалпакстане или Канимехе, туркмены на Мангышлаке или в Хорезме и т.д.), поскольку это противоречило бы исторической истине. В этом случае лучше говорить не о диаспорах, а об ирредентах.

При таком подходе центральноазиатские диаспоры есть в основной своей массе ирреденты, так как проживают на исторически «своих» землях. На большей части Центральной Азии этносы расселены чересполосно, есть целые регионы традиционно компактного проживания двух, трех и более этносов. Так, территория Каракалпакстана является зоной традиционного расселения каракалпаков, узбеков, казахов и туркмен. Зонами совместного узбекско-казахского проживания традиционно являются регионы Южного Казахстана (Туркестанская, Джамбульская области), Северного и Центрального Узбекистана (Ташкентская, Навоийская, Джизакская, Сырдарьинская области). Ферганская долина (три области в Узбекистане, три области в Кыргызстане, Согдийская область Таджикистана) традиционно заселена узбеками, таджиками, кыргызами и др.

На динамику и характер межкультурных коммуникаций в ЦА государств все большее влияние оказывают общепризнанные нормы международного права, устанавливающие базовые критерии прав человека и целых народов. Однако проведение справедливой и эффективной этнической политики невозможно вне учета конкретных социальных, политических, экономических, исторических условий, определяющих положение этнических групп в обществе. Политика не может быть ориентирована на мнимое или формальное равенство этносов. В условиях полиэтнических государств эффективна только многовариантная этническая, языковая, культурная политика.

«Игра с историей» в коммуникационных режимах стран Центральной Азии (Котюкова Т.В.)

В научном докладе НИИРК отмечается, что не следует оценивать коммуникационный режим как положительный или отрицательный – следует рассматривать его как некую данность. Возможно, с точки зрения социологии это так, но в исторической науке это все-таки окрашено. Анализ массмедиа и блогосферы показывает наличие очень активного запроса на использование исторической тематики. Конечно, повышение цен на услуги, особенно ЖКХ, политические споры внутри страны, международный и внешнеполитический контекст – все это, безусловно, занимает место. Но исторический контекст особенно востребован в связи с продолжающимся формированием идентичности в каждом из государств Центральной Азии. Сформирована эта идентичность в разных государствах на разном уровне. Историческая тематика в этом смысле является связующей, цементирующей, базисной, на которой выстраивается государственная надстройка. Поэтому на историческом поле ведется серьезная борьба. И для этой борьбы нередко применяются недобросовестные технологии.

В информационное поле вбрасывается информация не из авторитетных источников, не из серьезных академических структур, а из неформальных источников внутри или за пределами страны. Особенно явно это проявляется в отношении интерпретации значимых, юбилейных дат, очень крупных исторических событий в странах Центральной Азии. Обсуждение этих тем ведется непрофессиональными историками, людьми (в том числе журналистами), не имеющими специальной подготовки и экспертной поддержки среди историков. Далее, объявляется «виновный» и назначается его «преемник» (будь то целая страна или отдельный человек), который должен покаяться за те или иные исторические события, которым дана очевидная негативная окраска в общественном сознании на данный час или конкретный период. Затем органы власти инициируют проверку достоверности информации, но уже поздно, потому что общественное мнение и сознание уже приняло информацию. Изменить ее и переубедить общественность достаточно сложно.

Часть исторической академической науки уважаемых нами центральноазиатских государств начинает подстраиваться под эти технологии. Они применяются в отношении периодов нашей общей жизни в Российской империи и Советском Союзе. Естественно, что в ответ поступают реакции со стороны российского научного

исторического сообщества. Дает свою реакцию и российская «блогосфера». Разгораются дискуссии, например, относительно даты образования Туркестанского царства, куда входили все современные государства Центральной Азии и частично Казахстан (частично он входил в состав Степного края, а там существовали отдельные казахские области). Суть в том, что все значимые исторические события вызывают бурную волну эмоций. Отсутствует взвешенный, спокойный интерес электронных СМИ и академической науки и в государствах Центральной Азии, и в Российской Федерации. Тенденций к изменению ситуации пока не отмечается.

«Приливы» интереса к круглым историческим датам, иногда очень проблемным и болезненным в истории государств Центральной Азии, являются неким показателем и отражением того, чего официальная власть в этих государствах не может официально заявить в силу целого ряда политических моментов и ограничений. И это выплескивается в электронных СМИ. При невозможности официальной власти иметь эту позицию, официально ее озвучивать, возникает второй канал – «блогосфера». Он активно используется для внутреннего потребления. Обществу как будто говорят: мы понимаем, мы чувствуем эти чаяния и держим руку на пульсе общественного запроса на восстановление исторической правды, на поиски виноватых. Не думайте, что мы все забыли, мы будем работать в этом направлении для установления правды. Это своеобразная «двойная игра» официального руководства практически всех постсоветских государств. Мы так и живем с этой двойной игрой, потому что на дискуссионных площадках, когда задаешь коллегам вопросы «почему и откуда это?», все говорят: «Ну, это же блогеры, это же журналисты, поэтому нельзя относиться серьезно». Но это формирует общественное мнение. Давайте зададим себе вопрос: сколько людей будут изучать академическую 20-томную историю той или другой страны? Сколько человек может понять эти сложные исторические механизмы и процессы? История – это же не поток информации в неких хронологических рамках. Это сложный процесс, в котором не все просто объясняется. А у блогеров вроде все понятно: вот события, вот виноватые, вот последствия, вот мы обиделись, вот у нас травма, вот давайте выяснять, что, почему и как, давайте искать виноватых, назначать их преемниками и наказывать.

Но главная проблема не в самих технологиях, а в последствиях. Такая тактика поведения электронных и печатных СМИ вольно или невольно формирует сознательную историческую травму. Сейчас в исторической науке можно говорить об исторической травме. Общество пережило репрессии, и у него травма. Общество

пережило голод, значит есть остатки этой травмы. Мне кажется, что не настолько сильны остатки этой травмы, насколько происходит сознательное травмирование, постоянный вброс информации на подобного рода темы в социальную среду, что заставляет поколения, которые никак не могли пережить этой травмы, ощутить ее на себе в реальном историческом процессе. Они вдруг начинают ощущать какую-то травму, начинают активно требовать ответов на вопросы «А почему?», «А кто?», «За что?», требовать предъявления виновника и желательно его извинений и наказания. Это замкнутый круг. Инструмент сознательного травмирования исторической памяти – это очень опасный инструмент, который очень активно используется.

Трудно сказать, кто руководит этим процессом – кто-то внутри стран Центральной Азии или кто-то извне? Эти механизмы запущены во внутренней среде или это влияние внешней среды, которая, основываясь на определенной политической конъюнктуре, в том числе и большой мировой политики, подогревает, приводит в действие эти механизмы, которые запускают очередной поток искусственного, сознательного? Второй вариант не исключается, судя по тому, как активно наши западные коллеги – европейские, американские исследователи – всегда откликаются на эти «исторические травмы», и у них, как правило, сразу готовы большие монографии на эти темы. А нас спрашивают: «Как Российская Федерация относится? Что об этом думает?» А мы вообще этим даже не занимались, нам в академическом плане это не очень интересно. И здесь на перспективу вырисовывается очень сложная проблема коммуникации, с которой нам еще придется столкнуться не один раз.

Коммуникационные режимы и проблемы обеспечения информационной безопасности (Грибин Н.П.)

Интересный, глубоко научно проработанный доклад доктора социологических наук Комлевой Валентины Вячеславовны, содержащий целый ряд весомых, убедительно обоснованных теоретических положений и практических выводов благодаря накопленному опыту и специально разработанной методологии исследования коммуникационных режимов стран Центральной Азии, навел на определенные размышления по рассматриваемой теме. С некоторыми из этих размышлений я хотел бы кратко поделиться с вами.

Не подлежит сомнению, что обсуждаемые на сегодняшнем круглом столе проблемы коммуникационных режимов государств

данного региона в контексте их национальных интересов и национальных интересов Российской Федерации всегда были чрезвычайно актуальны в современных условиях навязанной нам коллективным Западом гибридной войны с неперенным ее составляющим информационно-психологическим компонентом. Но особенно возросла значимость этих проблем в свете последних событий в Афганистане, связанных с провальным выводом американских войск из этой страны.

В результате серьезно обострилась угроза для безопасности как России, так и дружественных нам государств – Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана, соседствующих с Афганистаном, и тем более граничащего с этой страной Таджикистана – в плане расширения возможностей распространения на территории наших государств терроризма и исламского экстремизма, роста масштабов незаконного оборота наркотиков, вероятного наплыва беженцев и повышения уровня конфликтности в этом стратегически важном регионе.

Коммуникации и информация как имманентные характеристики коммуникационных режимов наших стран подвергаются сегодня беспрецедентному деструктивному воздействию происходящих бурных и трудно предсказуемых процессов, порождающих нестабильность в данном регионе. Есть все основания полагать, что состояние нестабильности будет иметь долговременный характер в силу сосредоточения в регионе противоречивых стратегических военно-политических и экономических интересов многих ведущих мировых игроков, прежде всего США, Европейского союза, Китайской Народной Республики и Ирана.

Исходя из этого, представляется оправданным, помимо подходов, предложенных автором озвученного доклада, рассмотреть состояние и перспективы развития коммуникационных режимов стран Центральной Азии под углом зрения интересов обеспечения их собственной национальной безопасности.

Страновые коммуникационные режимы не существуют абсолютно автономно, изолированно от мировых информационных потоков, для которых не существует межгосударственных границ. Разумеется, Российская Федерация и дружественные нам страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), в свою очередь, испытывают все более расширяющееся воздействие иностранных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих инфильтрировать в информационное пространство наших стран собственное, выгодное Западу, видение происходящих социально-политических

и экономических процессов как в этих странах, так и в мире в целом. Информационная вредоносная деформация реальной картины происходящего по своей сути означает вмешательство во внутренние дела независимых государств и подрыв их суверенитета. В этих целях увеличивается количество компьютерных атак на информационные ресурсы атакуемых стран, распространяется в массовом порядке недостоверная и заведомо лживая информация, рисуется негативный образ России, дискредитируется полезность взаимовыгодного экономического, культурного, научного и иных видов сотрудничества между нашими странами, в том числе многостороннего взаимодействия по линии ШОС и ОДКБ.

Наиболее интенсивно в этом отношении используется сеть Интернет, где под предлогом многообразия мнений и плюрализма размещаются материалы террористических и экстремистских организаций, призывы к протестным выступлениям против власти и массовым беспорядкам. В социальных сетях осуществляется пропаганда криминального образа жизни, потребления наркотических средств и психотропных веществ, культивируются насилие, стяжательство, сексуальная распушенность и правовой нигилизм, навязывается искаженный взгляд на исторические факты и события, происходящие в наших государствах и в мире. Основным объектом такой информационно-психологической экспансии со стороны наших недоброжелателей является молодежь, более подверженная манипуляционному воздействию.

Анонимность, которая обеспечивается за счет использования информационно-коммуникационных технологий, облегчает нарушение правовых норм, регулирующих информационно-коммуникационные режимы стран воздействия. Для эффективного продвижения своих информационно-пропагандистских интересов в США разработано программное обеспечение компьютерных технологий, позволяющее превращать оппозиционеров и обслуживающих их киберактивистов в «невидимок» для правоохранительных органов стран информационной интервенции.

Озабоченность новыми реалиями современного мира и усиливающейся общей планетарной нестабильностью обусловила принятие в Российской Федерации базового документа в сфере национальной безопасности – новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400.

В Стратегии в качестве одного из стратегических национальных приоритетов выделена «информационная безопасность». Ее обеспечение предполагается путем реализации государственной

политики, которая четко формулируется в виде 16 задач, выполнение которых создаст предпосылки для кардинального решения проблемы обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации. Непосредственное отношение к предмету нашей дискуссии имеют 4 задачи. Может быть, эти задачи, я хотел бы их озвучить, заинтересуют присутствующих здесь наших уважаемых гостей – представителей из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана:

- формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости ее функционирования;

- развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности Российской Федерации, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз;

- предотвращение деструктивного информационно-технологического воздействия на российские информационные ресурсы;

- укрепление сотрудничества Российской Федерации с иностранными партнерами в области обеспечения информационной безопасности, в том числе в целях установления международного режима обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий.

Источники

- Адилбеков, С. (2016) Масс-медиа в политических системах Казахстана и Кыргызстана, Бишкек.
- Алымбаева, З.А., Алимахунов, А. (2021), Особенности и тенденции современного информационного пространства Кыргызстана // *Бюллетень науки и практики*, т. 7, № 2, с. 271–275. DOI: 10.33619/2414-2948/63/29.
- Гасумянов, В.И., Комлева, В.В. (2020), Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы // *Международная жизнь*, № 10, с. 38–49.
- Исабаев, Б.О. (2010), СМИ КР: современное состояние и перспективы развития, сборник материалов международной научно-теоретической конференции “СМИ в системе политических институтов: теория и практика”, Астана.
- Карагулов, М. (2017), Альтернатива СМИ, Бишкек.
- Комлева, В.В. (2021), Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен // *Россия и мир: научный диалог*, № 1(1), с. 13–26. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-13-26.
- Мурзагулов, Н. (2017), Медийные магнаты, Бишкек.
- Сатылканова, А.Р. (2016), Общественное телевидение в процессе политической коммуникации (на примере Кыргызской Республики) // *Проблемы современной науки и образования*, № 29 (71), с. 109–112.
- Чернов, Ф.М. (2009), Исторические и социально-политические аспекты становления и развития радио и телевидения в Кыргызстане: 1927–2008 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Бишкек.

DOI: 10.53658/RW2021-1-2-96-137

Communication regimes in Central Asian countries: a scientific discussion

Kalimash K. Begalinova

Al-Farabi Kazakh National University (Nursultan, Kazakhstan)

Nikolai P. Gribin

University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia)

Valentina V. Komleva

National Research Institute for Communications Development Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Tatiana V. Kotukova

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Ravshan R. Nazarov

The Branch of Plekhanov Russian University of Economics in Tashkent (Tashkent, Uzbekistan)

Aigerim N. Ospanova

L.N. Gumilev Eurasian National University (Nursultan, Kazakhstan)

Viktor S. Panov

«Rossiya Segodnya» International Information Agency in the Republic of Kazakhstan (Nursultan, Kazakhstan)

Nadezhda G. Smolik

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

Aigerim Turgunbayeva

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan)

Elena G. Cheremenina

Radio Sputnik Kyrgyzstan (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: The article contains the main ideas expressed by Russian and foreign participants in the international scientific discussion on the topic «Communication regimes in Central Asian countries». The discussion was held by National Research Institute for Communications Development. Studies of communication regimes conducted on the basis of the author's methodology revealed: (1) asymmetry of actor models of communication regimes in Central Asian countries (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan); (2) pronounced etatism and policy of state regulation and control of processes and structures of public communication; (3) specifics of social engineering of communication regimes based on securitization of issues of ethnic cultural and national identity; (4) attempts to update communication regimes that have not yet attained serious success. In the course of discussions, scientists from Central Asian countries offered their research materials and keynoted: the role of cultural and religious factors in the formation of communication regimes; the influence of the financial basis of mass media on their structure and media discourse; frequent borrowings of the content from foreign information channels. Russian experts noted: artificially accentuated problems of «historical trauma» in the information space in the Central Asian countries; changes in communication formats within the context of COVID-19; the importance of studying communication regimes in the context of ensuring collective information security, the need to develop common terms and concepts for Russia and Central Asian countries in the drawing up the legislation on communication and information.

Keywords: communication regime, Central Asia, information security, information policy, media space, mass media, political communication, historical trauma, religious factor

About authors:

BEGALINOVA Kalimash. DSc (Philos.). Professor at the Department of Religious Studies and Cultural Studies of the Al-Farabi Kazakh National University. ORCID: 0000-0001-5575-5142. Address: 71 Al-Farabi Avenue, Almaty, 050040, Kazakhstan, kalima910@mail.ru.

GRIBIN Nikolai. Dr.Sci. (Legal). Professor of the Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia. 76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russian Federation, 119454, n.gordin40@gmail.com.

KOMLEVA Valentina V. DSc (Soc.). Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for Communications Development. Head of the Department of regional studies and international cooperation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Address: 22/1 Korobeinikov lane, Moscow, 119034, Russian Federation, komleva@nicrus.ru.

KOTYUKOVA Tatiana V. CandSc (Hist.). Head of the Central Asian History Sector of the 19th-20th centuries Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher at the Center for Civilizational Studies of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Central Asian Studies, Moscow Islamic Institute. ORCID: 0000-0001-5741-7905. Address: 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation, kotyukovat@mail.ru.

NAZAROV Ravshan R. Doctor of Philosophy (PhD). Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Humanities the Branch of Plekhanov Russian University of Economics in Tashkent. Honorary Professor of Shaanxi Pedagogical University (Xi'an, Shaanxi, China); expert of the International Institute of Central Asia. ORCID: 0000-0003-3773-9442. Address: 3 Shakhriobod str., Tashkent, 100164, Uzbekistan, Shon2002@yandex.ru.

OSPAANOVA Aigerim N. Doctor of Political Science (PhD). Associate Professor. Head of the Department of Regional Studies. L.N. Gumilev Eurasian National University. ORCID: 0000-0003-0985-1883. Address: 010000, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kanysh Satpayev Street, 2, ospaanova@mail.ru.

PANOV Viktor S. Head of the representative office of the Rossiya Segodnya International Information Agency in the Republic of Kazakhstan. Address: 119021 Russian Federation. 4 Zubovskiy Boulevard, Moscow, office@ria.ru.

SMOLIK Nadezhda G. Senior lecturer at the Department of Theory and History of International Relations Peoples' Friendship University of Russia. ORCID: 0000-0001-9166-2138. Address: 10a Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation, smolik-ng@rudn.ru.

TURGUNBAYEVA Aigerim. Lecturer of the Department of International Relations and Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. ORCID: 0000-0001-5734-7505. Address: 10 Army Street, Bishkek, Kyrgyzstan, turgunbaeva.aigi@gmail.com.

CHEREMENINA Elena G. Head of the Information Agency and Radio Sputnik Kyrgyzstan. Address: 119021 Russian Federation. 4 Zubovsky Boulevard, Moscow, media@sputniknews.com.

References

- Adilbekov, S. (2016), Mass media in the political systems of Kazakhstan and Kyrgyzstan, Bishkek.
- Alymbaeva, Z.A., Alimakhunov, A. (2021), «Features and trends of the modern information space of Kyrgyzstan», *Bulletin of Science and Practice*, Vol. 7, No. 2, pp. 271-275. DOI: 10.33619/2414-2948/63/29.
- Gasumyanov, V.I., Komleva, V.V. (2020), Communication modes as a factor of inter-country interactions: Problem statement, *International Life*, No. 10, pp. 38-49 (in Russian).
- Isabaev, B.O. (2010), Mass Media of the Kyrgyz Republic: current state and prospects of development, collection of materials of the international scientific and theoretical conference «Mass media in the system of political institutions: theory and practice», Astana.
- Karagulov, M. (2017), *Alternative Media*, Bishkek.
- Komleva, V.V. (2021), Country communication mode as a socio-political phenomenon, *Russia and the world: scientific dialogue*, No. 1(1), SS. 13-26. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-13-26 (in Russian).
- Murzagulov, N. (2017), *Media magnates*, Bishkek.
- Satylkanova, A.R. (2016), Public television in the process of political communication (on the example of the Kyrgyz Republic), *Problems of Modern Science and Education*, No. 29(71), pp. 109-112.
- Chernov, F.M. (2009), Historical and socio-political aspects of the formation and development of radio and television in Kyrgyzstan: 1927-2008: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences: 07.00.02, 22 p.